

Российская империя в Первой мировой войне: Современная англо-американская историография

Николай Макаров

В советской историографии Первая мировая война рассматривалась преимущественно как пролог к революциям 1917 г. и дальнейшему утверждению советского строя и поэтому была во многом лишена самостоятельной научной значимости. По словам американского исследователя Д. Орловски, «военные и патриотические темы и процесс мемориализации были зарезервированы для героев и проектов нового режима»¹. Укоренившееся в западной исторической памяти именование её «Великой войной» не имело в нашей стране распространения; вместо этого она имела полупрезрительное название «империалистической». Это явление было присуще не только историографии, но и национальной памяти в целом: «В России не было культа Великой войны и движения за сохранение и поклонение памяти её жертв, нет значительных памятников и мемориалов войны и почти нет её кладбищ»². В зарубежной русистике, в том числе англо-американской, традиционно задававшей тон в изучении истории России на Западе, проблемы участия России в Первой мировой войне также освещались не очень детально. Серьёзные научные работы по этой тематике появились в США и Великобритании лишь с середины 1970-х гг.³ В данной статье будут рассмотрены наиболее значимые англоязычные работы, вышедшие в свет в последние два–три десятилетия, которые либо специально посвящены истории Российской империи в годы Первой мировой, либо так или иначе затрагивают данную проблематику.

Одним из важных вопросов остаётся в историографии проблема генезиса войны. Д. Ливен в своей книге о Николае II отмечает, что в Европе, управляемой монархами и потомственной знатью, элиты воспринимали войну как естественное средство отстоять достоинство страны, как своего рода дуэль между мировыми державами. Война считалась «почётным и даже романтическим» делом, необходимым для решения международных споров. Главная цель русской внешней политики после 1905 г., как утверждает Ливен, – «оставаться со всеми в хороших отношениях». В значительной степени этому способствовали соглашения с Англией и Японией 1907 г. Фактором, влиявшим на выбор внешнеполитической линии страны, были также антигерманские общественные настроения. Окончательной же «точкой отсчёта на пути России к 1914 году» стал Боснийский кризис 1908–1909 гг.⁴

© 2014 г. Н.В. Макаров

¹ Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 52.

² Там же. С. 51.

³ См., например: Stone N. The Eastern front. L., 1975; Pearson R. The Russian moderates and the crisis of Tsarism, 1914–1917. Basingstoke, 1977; Lieven D.C.B. Russia and the origins of the First World War. L., 1983; Siegelbaum L.H. The politics of industrial mobilization in Russia, 1914–1917: A study of the War-industries committees. N.Y., 1983; Lincoln W.B. Passage through Armageddon: The Russians in war and revolution, 1914–1918. N.Y., 1986. См. также: Gatrell P. Russia's First World War: remembering, forgetting, remembering // Extending the borders of Russian history. Essays in honor of Alfred J. Rieber / Ed. by M. Siefert. Budapest, 2003. P. 285–298.

⁴ Lieven D.C.B. Nicholas II: Emperor of all the Russias. L., 1993. P. 190–193.

Стремление установить контроль над Константинополем и проливами Босфор и Дарданеллы, являлось по словам О. Файджеса, «главной имперской амбицией России со времен Петра Великого». Нельзя сбрасывать со счетов и претензии России на построение славянской империи на Балканах. «Настроение прославянской воинственности», исходившее от русской общественности, укоренилось к 1914 г. и в правящих верхах. Но Николай II симпатизировал и осторожной позиции С.Д. Сазонова. Видя, что война неизбежна, император и министр иностранных дел всё же стремились оттянуть её «дипломатическими средствами». Однако к кануну войны для Николая II сложилась патовая ситуация. Ввязавшись в войну, он рисковал получить революцию в стране; не вступив в неё – обострить патриотические чувства, рискуя утратой политического доверия⁵. Д. Схиммельпенник ван дер Ойе пишет, что хотя руководство России летом 1914 г. колебалось по вопросу вступления в войну, страна не имела большого выбора. Очередная капитуляция на Балканах (после 1878 и 1908 гг.) лишила бы Россию статуса великой державы⁶. Схожую мысль высказывает и У. Фуллер. Россия, по его мнению, не могла не подать руку помощи Сербии. Иное решение стало бы проявлением слабости, за которым последовала бы девальвация престижа страны на международной арене и внутренние неурядицы – вплоть до революции. При этом «основной груз вины» за начало войны, несомненно, лежал на Германии⁷.

Большое внимание англо-американские историки отводят проблеме готовности России к войне. Многие полагают, что Россия была готова к краткосрочной (максимум – на несколько месяцев), но не к затяжной военной кампании⁸. Готовность промышленности к военному конфликту являлась слабой, производство артиллерийских орудий и снарядов – неудовлетворительным, не хватало обмундирования для армии⁹. Экономика страны, хотя и пятая в мире по объёму производства, была «неравномерно развита и не самодостаточна». Отсталость не означала автоматического поражения России в войне, но она серьёзно снижала шансы на победу¹⁰.

Подробному анализу подвергается и степень готовности русской армии. «Фатальными» для боеспособности армии У.Б. Линкольн признаёт столкновения в высших военных кругах между «традиционалистами» (во главе с вел. кн. Николаем Николаевичем) и «сухомлиновцами» (Ф.Ф. Палицын, Ю.Н. Данилов и др.), придававшими главное значение современным методам ведения войны¹¹. Напряжёнными оставались и отношения между генералитетом и бюрократией. Офицерский корпус в целом был подготовлен к войне недостаточно. Это усугублялось фактическим отсутствием у России чёткой военной доктрины¹². Серьёзные

⁵ *Figes O.* A people's tragedy: The Russian revolution, 1891–1924. L., 1996. P. 248–250.

⁶ The Cambridge history of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917/ Ed. by D.C.B. Lieven. Cambridge, 2006. P. 570–571.

⁷ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 140–141.

⁸ См., например: Lieven D.C.B. Nicholas II... P. 205; Gatrell P. Russia's First World War: A social and economic history. Harlow, 2005. P. 1.

⁹ Lincoln W.B. Op. cit. P. 24, 55–56; Figes Q. Op. cit. P. 261–263.

¹⁰ The Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 551–553.

¹¹ Lincoln W.B. Op. cit. P. 51–54; см. также: Gatrell P. Russia's First World War... P. 18; The Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 659.

¹² The Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 548.

проблемы имелись также в сфере организации военной разведки, телефонной и телеграфной связи, военного транспорта¹³.

Вместе с тем благодаря усилиям военных министров А.Ф. Редигера и особенно В.А. Сухомлинова, после 1907 г. правительство активно реформировало армию и флот. Хотя, отмечает У. Фуллер, к 1914 г. процесс реформирования оставался не завершён, Сухомлинову удалось сделать многое. Он реорганизовал и передислоцировал армию, ввёл территориальную систему резерва (включавшую достаточно эффективную систему «скрытых кадров»), увеличил масштабы применения пушек и пулемётов, положил начало военной авиации. К 1913 г. Россия тратила на армию и флот больше, чем любая европейская страна. С другой стороны, огромные расходы на строительство dreadnoughtов оказались «роскошью, которую Россия вряд ли могла себе позволить». В целом успех России на пути модернизации вооружённых сил оказался лишь частичным¹⁴.

Считается, что мобилизация после начала войны прошла достаточно быстро и без серьёзных осложнений¹⁵. Вместе с тем, как отмечает английский историк П. Уолдрон, даже на начальных стадиях мобилизации «солдаты-крестьяне не выказывали большого энтузиазма в отношении войны»¹⁶. Многие авторы считают, что у масс отсутствовали глубокие патриотические чувства, а цели России в этой войне были им непонятны¹⁷. Известный американский историк Л. Хеймсон пишет, что «у рабочих отсутствовало ощущение, что они принадлежат к единой нации... Отсутствие такого ощущения... исключало возможность появления в их среде настоящего национализма и даже национального чувства»¹⁸. Напротив, Д. Сэнборн отмечает, что в западной русистике сформировался ряд неверных стереотипов о мобилизации 1914 г. К примеру, мнение о том, что крестьяне «не могли понять событий, которые вырывали их из изб», восходит к работам русских высокопоставленных военных (например, генералов Ю.Н. Данилова и Н.Н. Головина). Это объяснение, по Сэнборну, не более чем самооправдание, переносящее вину с военных и политиков на «наследие русской отсталости». Историк отмечает, что во многих воспоминаниях и дневниках, полицейских отчётах, письмах военнослужащих и др. содержатся упоминания о многочисленных бунтах призывников в 1914 г. Некоторые из них «были весьма масштабны и отличались упорным характером» (наиболее острым стал барнаульский мятеж, в ходе которого в стычках резервистов с полицией погибло не менее сотни человек). Всего бунты призывников, по Сэнборну, имели место в 15 губерниях и областях, количество убитых и раненых исчислялось сотнями человек. Причины бунтов были разными: от желания выпить (разгром закрытых винных лавок) до стремления продемонстрировать недовольство войной. В целом, пишет историк, «сельские и городские жители реагировали на условия, вызванные войной, в национальном духе. «Крестьяне»

¹³ Lincoln W.B. Op. cit. P. 57–58.

¹⁴ The Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 543, 550–551, 553; Фуллер У. Указ. соч. С. 88–91.

¹⁵ См., например: Badcock S. Autocracy in crisis: Nicholas the last // Late Imperial Russia: Problems and prospects. Essays in honor of R.B. McKean / Ed. by I. Thatcher. Manchester, 2005. P. 22.

¹⁶ Waldron P. The end of Imperial Russia, 1855–1917. Basingstoke, 1997. P. 154.

¹⁷ См., например: Lieven D.C.B. Nicholas II... P. 206.

¹⁸ Хеймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquiuma). СПб., 1999. С. 21.

в действительности стали «русскими» уже в первые годы двадцатого века». По мере развития военных действий гражданское чувство в населении крепло¹⁹.

Отношения России с партнёрами по коалиции, пишет П. Гэтрелл, «никогда не были легкими». Россия так и не дождалась от союзников усиления действий на Балканах. Часто между министрами, дипломатами, генералами союзных стран наблюдался большой разрыв («культурная дистанция») во взаимоотношениях. Британцы, к примеру, объясняли многие просьбы России её «корыстными» соображениями. Россия, в свою очередь, винила Британию в недостаточном вкладе в общие военные усилия. Британцы не спешили признать ошибки, допущенные при расчёте своего экономического потенциала для выполнения военных заказов России. Новые военные и экономические затруднения принесло вступление в войну США²⁰.

Большое внимание в современной англо-американской историографии уделяется проблемам экономического развития России во время мировой войны. Перед войной, пишет П. Гэтрелл, экономика страны находилась в неплохом состоянии. С другой стороны, Россия оставалась бедной страной, её сельское хозяйство было традиционным, а труд рабочих – сравнительно малопродуктивным. Промышленность в военные годы также развивалась противоречиво. С одной стороны, она сделала качественный рывок в производстве вооружений. К 1916 г. около $\frac{2}{3}$ продукции тяжёлой промышленности давала именно продукция для фронта. Выпуск винтовок по сравнению с 1914 г. увеличился в четыре раза, пулеметов – в 13 раз, пушек-трехдюймовок – в 10, снарядов – в 30 раз. С другой стороны, к 1917 г. промышленное производство в целом по стране составляло примерно 62% от предвоенного уровня²¹. Сельское хозяйство, по Гэтреллу, несмотря на трудности военного времени, пострадало меньше. Посевы 1916 г. оказались лишь примерно на 5% ниже, чем в 1909–1913 гг. (П. Уолдрон считает, что уменьшение засеянных площадей составило 12%). С другой стороны, помещичьи владения сократили посевы примерно наполовину (немалую роль в этом сыграли меры против немецких колонистов). Урожай 1916 г. был в среднем на 10% ниже, чем в 1914-м²². П. Холквист предлагает совершенно другие данные. Площадь засеянной земли в России сократилась в 1915 г., пишет он, примерно наполовину, а на Дону – вообще до 75%²³.

Транспортная система России, по Гэтреллу, в целом достаточно исправно работала в 1914 – начале 1915 гг. Однако с середины 1915 г. она находилась в «беспрецедентном напряжении». Железные дороги России были поделены на западную и восточную части, причём западная часть попала под управление военных властей. Это повлияло на снижение перевозок хлеба, топлива и др. Р. Уэйд пишет, что к концу 1916 г. транспортная система России оказалась в положении, близком к коллапсу²⁴. Транспортные перебои спровоцировали в стране хлебный кризис несмотря на то, что зерна в стране было достаточно. Но из-за уменьшения его количества на рынке цены подскочили до «астроно-

¹⁹ *Сэнборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Там же. С. 203–204, 207–213.

²⁰ *Gatrell P.* Russia's First World War... P. 252–254.

²¹ *Ibid.* P. 13–14, 119, 249.

²² *Ibid.* P. 157–158; *Waldron P.* The end of Imperial Russia... P. 145.

²³ *Holquist P.* Making war, forging revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002. P. 31.

²⁴ *Gatrell P.* Russia's First World War... P. 25, 28; *Wade R.* The Russian revolution, 1917. Cambridge, 2000. P. 23.

мического уровня»²⁵. Введение развёрстки на поставки зерна в ноябре 1916 г., считает Гэтрелл, оказалось мерой, успех которой оценить достаточно сложно, поскольку эти поставки должны были окончиться летом 1917 г., когда страна жила уже при другом режиме²⁶.

П. Холквист посвятил продовольственному кризису в России главу своей монографии. Государство стремилось стать как можно ближе к производителю, минуя посредников и спекулянтов. Поначалу казалось, что эта система работает хорошо: цены на зерно снизились, закупки для армии шли успешно. Однако к лету 1915 г. в продовольственном снабжении установился «административный хаос». Август 1915 г. стал, по мнению Холквиста, рубежом, после которого правительство и «парагосударственные» организации стали в оппозицию друг к другу. Однако урожаи 1915–1916 гг. были хорошими, и запасов зерна в стране хватало. В чём же тогда заключалась причина хлебного кризиса? Традиционный ответ – в плохой работе транспорта. Холквист же считает более важными причинами неспособность правительства скоординировать работу своего продовольственного аппарата на местах, а также «ножницы» между избытком продовольствия и недостатком промышленных товаров, что заставляло крестьян придерживать хлеб. Таким образом, наряду с государством, «виновато» в кризисе было и крестьянское население России. Государство же, стараясь минимизировать рыночные процедуры при распределении зерна и заменяя их прямым вмешательством, лишь навлекало на себя всеобщее недовольство²⁷.

Многие англо-американские историки обращают особое внимание на введение на территории империи в начале войны «сухого закона». О. Файджес и Э. Лор отстаивают мнение о том, что «сухой закон», дав кратковременный эффект в сокращении потребления спиртного и улучшении здоровья населения, в итоге вызвал огромные финансовые потери. Продолжение продажи спиртного в ресторанах усиливало социальную рознь. Всё это внесло свою лепту в ухудшение положения самодержавия²⁸.

Специальную статью посвятил «сухому закону» А. Мак-Ки. Большинство россиян, пишет он, встретило введение сухого закона с одобрением. Однако в итоге эта политика провалилась и стала одной из причин краха монархии. К несомненно положительным последствиям «сухого закона» Мак-Ки относит резкое сокращение преступности (осенью 1914 г. она упала почти наполовину), случаев пожаров в сельской местности (более чем на $\frac{1}{3}$ во второй половине 1914 г.), рост сбережений у населения. Однако с фискальной точки зрения «сухой закон» обернулся катастрофой. Казна к началу 1917 г. недосчиталась около 2.5 млрд руб., что составляло около 10% всех затрат на войну. Были подняты ставки по акцизам, установлены высокие железнодорожные тарифы, запущен печатный станок. «Сухой закон» способствовал росту инфляции. Население стало искать применения своим деньгам, и «в перегретой экономике России военного времени» это подстегнуло рост цен. С политической точки зрения, «прямое монархическое правление», элементом которого становился «сухой закон», тоже ускорило крах монархии²⁹.

²⁵ *Lincoln W.B.* Op. cit. P. 219.

²⁶ *Gatrell P.* Russia's First World War... P. 160–164.

²⁷ *Holquist P.* Op. cit. P. 12, 17–22, 26–28, 31–36.

²⁸ *Figes O.* Op. cit. P. 298; *The Cambridge history of Russia.* Vol. II. P. 660.

²⁹ *Мак-Ки А.* Сухой закон в годы Первой мировой войны: Причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // *Россия и Первая мировая война...* С. 147–148, 152, 154–155, 157.

Новаторским шагом правительства стало решение (в апреле 1916 г.) ввести подоходный налог для населения. Правительство полагало, пишет П. Гэттрелл, что подоходный налог даст в казну около 130 млн руб. в год. Хотя больших прибылей эта мера не принесла, она означала значительную перемену в финансовой политике: от обложения коллективных плательщиков (общин) государство переходило к работе с индивидуальными плательщиками, делая «беспрецедентный упор на гражданский долг» россиян. Мера эта, по Гэттреллу, была «современной», хотя и не влекла за собой «фискальной революции». Я. Коцонис также оценивает подоходный налог как важное новшество, которое предполагало «полное гражданское равенство в условиях фактического юридического неравенства», наличие у народа ощущения гражданственности «в системе, которая всё еще строилась на принципах внешнего принуждения»³⁰.

Перемены, произошедшие в структуре русского общества, занятиях и настроениях населения, также вызывают огромный интерес в современной англо-американской исторической науке. Так, Д. Сондерс сосредоточил внимание на демографических аспектах войны, перемещениях населения, эффективности «правительственного вмешательства» в решение социальных вопросов. Он считает, что социальные процессы, происходившие в России в годы войны, были не столько развитием и усилением существующих тенденций, сколько катастрофой, разразившейся вследствие потери российским обществом «равновесия»³¹.

Положение отдельных слоев населения многосторонне анализируется в трудах П. Гэттрелла. «Средние классы» России, пишет британский учёный, пострадали от войны достаточно серьёзно. В среде бизнес-элиты усилились региональные, этнические и конфессиональные расхождения. Доходы администрации, технического персонала предприятий и высших служащих к концу 1916 г. снизились на 15–23%. Малый бизнес выжил во многом благодаря усилиям общественных организаций (в первую очередь Земского союза, который помогал производителям в сбыте продукции в обход посредников). Сильно пострадали держатели ценных бумаг, а также категории населения, жившие на жалованье: врачи, учителя, адвокаты и др. Настроения у служащих (телеграфистов, бухгалтеров, приказчиков), как и у рабочих, заметно радикализировались³².

Крестьяне, по наблюдениям Гэттрелла, пострадали от войны меньше. Их хозяйства были достаточно гибкими, чтобы заменить призванных на фронт более молодыми или более старыми своими членами. Большую роль, чем до войны, в хозяйстве стали играть женщины. Война обеспечила крестьянам рост доходов: они продавали различную продукцию для армии, извлекали выгоды из роста цен, накапливали примерно по 1 млрд руб. в год в результате введения «сухого закона». Крестьяне стали разнообразнее и больше питаться. С другой стороны, ухудшение экономической и политической ситуации вызвало рост недовольства и в их среде³³. Что касается промышленных рабочих, то тяжелее всего

³⁰ *Gatrell P. Russia's First world war...* P. 138; *Коцонис Я.* Подданный и гражданин: Налогообложение в Российской империи и Советской России и его подтекст // *Россия и Первая мировая война...* С. 474.

³¹ *Saunders D. The First World War and the end of Tsarism // Rinterpreting revolutionary Russia: Essays in honor of James D. White / Ed. by I. Thatcher. Basingstoke, 2006. P. 56–57, 66–68.*

³² *Gatrell P. Russia's First World War...* P. 52–53.

³³ *Ibid.* P. 72–74.

пришлось низкоквалифицированным пролетариям. С другой стороны, средняя зарплата в оборонной промышленности выросла за 1914–1916 гг. с 442 до 912 руб. в год (реальные заработки – примерно на $\frac{1}{4}$). Эти диспропорции, а главное – ухудшение положения основной массы рабочих, вызвали новый рост забастовочного движения. Учитывая связь рабочих с деревней, можно считать, что протест городских и деревенских низов направлялся во многом общим мотивом: мнением о том, что режим не отстаивает их интересов³⁴.

С таким подходом не согласен американский специалист Л. Хеймсон. Он считает, что политическое поведение рабочих серьёзно отличалось от поведения крестьян. Рабочие ещё до войны выдвигали не только экономические, но и культурные требования, в том числе требование «вежливого обращения» со стороны администрации. Это был протест против отношения к ним со стороны властей и цензового общества как к «подчинённой и униженной касте». Снижение забастовочной активности в начале войны Хеймсон связывает не столько с ростом патриотических настроений, сколько с ощущением рабочими «полной изолированности и психологической дезориентации» вследствие репрессий (ропуска Думы, ареста большевистских депутатов, закрытия рабочих газет и организаций). Резкий рост стачечной активности в столице возобновился с августа–сентября 1915 г. С этого момента во время стачек всё чаще стали использоваться лозунги «Долой войну!» и «Долой самодержавие!»³⁵.

Особое внимание в англо-американской историографии последних лет уделяется феномену беженства в России периода Первой мировой войны. Ряд работ, в том числе монографию, написанную на солидном архивном материале, посвятил этой проблеме П. Гэтрелл³⁶. К началу 1917 г., пишет он, в России было более 6 млн беженцев. Этот поток сопоставим только с периодом Великой Отечественной войны, когда число беженцев в СССР перевалило за 10 млн. Целью монографии можно считать выявление основных черт новой социальной категории, какой предстают в изображении Гэтрелла беженцы. Новым, по его мнению, было и «самоощущение» беженца под воздействием полученного опыта, формирование своеобразных культурных норм. Беженцев нельзя считать лишь «беспомощными жертвами войны». Напротив, они являлись фактором, «подрывающим существующую систему внутреннего контроля и подчинения», создающим условия для «трансформации власти». Нельзя утверждать, что именно беженцы вызвали русскую революцию, но свой вклад в неё они безусловно внесли³⁷. Основной причиной вынужденных миграций населения западных, северо-западных и юго-западных губерний Гэтрелл считает действия неприятельских войск. Однако, пишет историк, немаловажным фактором этих перемещений стали и действия русской армии. Русское командование, не будучи уверено в «благонадёжности» местного нерусского населения, вынуждало его к переселениям³⁸. К августу 1915 г. правительство признало проблему беженцев «вопросом государственной важности». Однако единого понимания того, кто должен нести ответственность за судьбы беженцев, у правительства и общественных организаций не сложилось. Общественность пыталась доказать

³⁴ Ibid. P. 22, 67–70, 72.

³⁵ Хеймсон Л. Развитие политического и социального кризиса... С. 21, 27–28.

³⁶ Gatrell P. A whole Empire walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999.

³⁷ Ibid. P. 3–8, 11–13.

³⁸ Ibid. P. 31.

некомпетентность правительства, а создание Особого совещания по устройству беженцев 30 августа 1915 г. продемонстрировало, что у общественных организаций в этом вопросе «были обязанности, но не было власти». В итоге, как обычно в России, власть взяла на себя центральную, если не исключительную роль в решении проблем беженцев³⁹.

Социальный статус беженцев, подчёркивает Гэтрелл, был пограничным. С одной стороны, они настаивали на своей полноценности с гражданской точки зрения, с другой – считали необходимым поддерживать образ «жертвы» (чтобы иметь возможность получать материальную помощь). Такое положение приносило свои неудобства и режиму, и общественности. «Культурное отношение» населения страны к беженцам также было сложным. Помимо естественной жалости к их страданиям, население Центральной России испытывало и неприязнь к ним как к «пришельцам», «обузе», разносчикам болезней⁴⁰. Война способствовала росту национального самосознания беженцев, Их положение давало возможность уменьшить разрыв между национальными элитами и рядовыми людьми, ускорить процесс «национального возрождения» окраин России, внося свою лепту в последующий процесс создания национальных государств⁴¹.

Война, отмечает Гэтрелл в одной из своих статей, разрушила также «бинарную оппозицию» мужчин как воинов и женщин, «пассивно дожидаящихся своих мужчин в тылу». Женщины не только заботились о своих семьях, но и выполняли новые социальные и экономические функции: шли работать на оборонные заводы, в госпитали и больницы, зачастую опекали чужих людей. Впрочем, этот сдвиг таил и множество опасностей: к примеру, многие из них, попадая в большие города и не имея возможности самостоятельно добывать средства к существованию, начинали заниматься проституцией⁴².

В последние годы в Великобритании и США активно развивается изучение национально-территориальных проблем в России в период Первой мировой войны. В частности, монографию на эту тему опубликовал Э. Лор⁴³. Национальная проблема стала, по его утверждению, ключевым аспектом этой первой в истории тотальной войны. В России попытка её решения обернулась масштабной кампанией против национальных меньшинств, представители которых стали для царского режима опасными «внутренними врагами». К ним широко применялись высылки, интернирование, конфискация имущества. Результатом этой кампании в России явились вынужденное переселение почти 1 млн гражданских лиц (немцев, евреев, мусульман и др.), а также национализация значительной части имперской экономики. Проведение этой кампании стало следствием нового понимания войны не просто как вооружённого конфликта между правительствами и армиями, а как противостояния граждан воюющих стран. Лояльность человека подвергалась сомнению из-за этнической или конфессиональной принадлежности. Этому способствовали и давно бытовавшие в России представления об инородцах и «внутренних врагах». В центре кам-

³⁹ Ibid. P. 47–48, 209.

⁴⁰ Ibid. P. 96–97, 140, 205–206.

⁴¹ Ibid. P. 169–170.

⁴² Гэтрелл П. Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война... С. 112–115, 118–119.

⁴³ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

пании была одна из идей классического национализма – о «засилье» в экономике инородцев и евреев, эксплуатирующих коренное население. Результатом же этой кампании стало не создание русской национальной идентичности, а наоборот – обострение этнических конфликтов по всей империи⁴⁴.

С самого начала войны, пишет Лор, государству часто приходилось выбирать между поддержкой патриотических чувств населения и общественным порядком. Власти нередко сами провоцировали враждебность к нацменьшинствам. Хотя организацией погромов власть не занималась, она интерпретировала беспорядки на национальной почве «как знак того, что общество требует проведения ещё более агрессивной политики против вражеских подданных»⁴⁵. Власти активно «очищали» госаппарат и ряды предпринимателей. Секвестр и национализация предприятий «вражеских подданных» были, считает Лор, «частью общего радикального поворота в сторону национализации экономики»⁴⁶. Широко практиковалась экспроприация земельных угодий: даже по осторожным оценкам, эти меры затронули около 0.5 млн собственников, лишившихся примерно 6 млн десятин земли⁴⁷. Высылки со временем распространились на все занятые русскими войсками районы. Общее число депортированных или высланных за время войны, по подсчётам Лора, составило примерно 300 тыс. человек, а количество изгнанных из родных домов евреев – от 500 тыс. до 1 млн человек⁴⁸. Война, заключает Лор, принесла качественно новые черты в политику правящих верхов России. Если прежде они делали ставку на приобщение нацменьшинств к православной вере и русской культуре, то теперь – на ассимиляцию не людей, а экономики, территории или населения. Кампания против «вражеских подданных» стала частью общего стремления государства напрямую управлять населением и экономикой. Однако обернулась она лишь ослаблением государства, подрывом общественного порядка и обострением межнациональных конфликтов⁴⁹.

Содержательную статью о связи военных действий и политики российских оккупационных властей с ростом национального самосознания окраинных народов написал М. фон Хаген⁵⁰. Он считает, что во время войны российские власти искусственно запустили процесс «мобилизации этничности», что «только усилило многие очаги напряженности», спровоцировало «качественные изменения в отношениях» между населявшими страну народами. Национальная политика периода войны эволюционировала от призывов к национальным группам поддержать российскую армию, формирования «национальных» воинских частей, обещаний «возвращения» славянских народов в лоно общего государства к жёсткой политике на оккупированных территориях (аресты, высылки, конфискация имущества, цензурные запреты и др.). Это вело к широкому распространению недовольства российскими властями, росту межэтнической напряжённости. Внутри страны также росло неприятие оккупационной политики. Последствием этого была консолидация наиболее радикальных антирусских движений по всей империи. Фон Хаген приходит к обоснованному выводу о

⁴⁴ Там же. С. 9–12, 16.

⁴⁵ Там же. С. 23–25, 54, 60.

⁴⁶ Там же. С. 64, 67, 76–77, 79.

⁴⁷ Там же. С. 128, 136.

⁴⁸ Там же. С. 147, 151, 163, 170, 176.

⁴⁹ Там же. С. 199–201.

⁵⁰ *Хаген фон, М.* Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // *Россия и Первая мировая война...* С. 385–405.

том, что национализм и национальные противоречия, обострившиеся в 1917 г., во многом коренились в национальной политике последних лет существования Российской империи.

По мнению П. Холквиста, оккупационная политика российских властей не была ни случайной, ни уникальной. Курс, взятый на создание в отдельных частях империи однородных «чисто русских» районов (например, в Средней Азии), депортации, этнические чистки не могут расцениваться только как результат войны. «Эта политика явилась продуктом нового взгляда на население и на возможные способы воздействия на него», причём в годы Первой мировой войны их практиковала вся Европа». Депортация как инструмент «политики населения» была разработана ещё до войны и опробована европейскими державами в колониях⁵¹.

Д. Санборн посвятил монографию влиянию всеобщей воинской повинности на формирование российской нации⁵². Проблемы, выдвигаемые им на первый план, достаточно нетрадиционны и находятся в русле новых тенденций западной историографии: речь в книге идёт о классовых и национальных особенностях призыва, попытках создать целостность, невзирая на «фрагментированную природу общества», «национализации мужественности», «насилии и нации». Военный призыв, утверждает Санборн, был для самодержавия важным инструментом постепенной ассимиляции меньшинств посредством милитаризации, которая помимо прочего подразумевала выработку чувств «участия, принадлежности и лояльности» для создания нового типа «солдата и гражданина». Такое понимание особенно укрепило поражение в Русско-японской войне: военные теоретики пришли к выводу, что «милитаризованные нации всегда будут побеждать фрагментированные сообщества». Нацию при этом Санборн рассматривает скорее сквозь призму идеологии, чем социальных признаков⁵³.

В ходе Первой мировой войны власти стремились включить в состав призывников максимально возможный круг мужчин. Эта политика нередко провоцировала недовольство – вплоть до восстаний (например, Туркестанское восстание 1916 г.), но так или иначе призыв становился сферой, в которой очень многие русские превращались в политически активных граждан. Россияне требовали «честности», «равенства», «справедливости» в подходе государства к этому вопросу (что видно по массе писем рядовых людей). В основе требований, выдвигавшихся народом при решении этого вопроса, лежали крестьянские общинные ценности. В этом смысле идея всеобщей воинской повинности хорошо соотносилась с народными представлениями. Более того, по мнению Д. Муна, анализировавшего книгу Санборна, крестьяне имели давние традиции использовать свою военную службу как основание для требования «уступок от государства»⁵⁴.

По мере распространения призыва на новые этнические группы в армии вставал «этнический вопрос». В условиях больших потерь самодержавию пришлось перейти от «политики сдерживания этнических националистических

⁵¹ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война... С. 87–91.

⁵² Sanborn J. Drafting the Russian nation: Military conscription, total war and mass politics, 1905–1925. DeKalb, 2003.

⁵³ Ibid. P. 11–14, 17.

⁵⁴ Ibid. P. 19, 34–35, 37–38; Moon D. Late Imperial peasants // Late Imperial Russia: Problems and prospects... P. 138.

чувств к их мобилизации». Военная служба стала важным идеологическим средством для того, чтобы призвать людей отстаивать свои земли, семьи, ощутить себя братьями по оружию. Поэтому идейно армия представляла собой новую общность, очень помогая государству в «строительстве нации». Прежние «маркеры» национальности (религия и сословная принадлежность) уступали место новым, в первую очередь этническим. «Процесс категоризации», деления национальностей на «свои» и «чужие», обострившись во время войны, продолжился и позже. Гендерная структура России периода войны, считает Сэнборн, перестала быть патриархальной и стала «агрессивно фратеральной». В основе её лежал «агрессивный, независимый, хотя и ограничивающий себя “новый” человек», «гражданин-солдат», – «сильный и дисциплинированный», сочетающий инициативу и сдержанность⁵⁵.

Большое внимание англо-американские историки уделяют фигуре Николая II. Преобладающим является мнение о российском монархе как о достаточно слабом правителе, цеплявшемся за свои самодержавные полномочия. После принятия верховного главнокомандования в августе 1915 г. (этот шаг оценивается в основной массе работ как ошибочный) Николай II всё чаще стал уединяться от политических тревог в Ставке. При этом стратегическими дарованиями император не отличался, боевого опыта не имел, и поэтому руководство военными операциями осуществлял начальник штаба М.В. Алексеев. Неудивительно, что в стране росло недовольство, прогрессировала «министерская чехарда», а авторитет монарха стремительно падал⁵⁶. Проблема, пишет британская исследовательница С. Бэдкок, во многом состояла в том, что политическое сознание Николая II находилось во власти отживших представлений об отношениях монарха с народом, уже не работавших в XX в. Последний русский император упорно отказывался признавать произошедшие в стране перемены⁵⁷. Даже в последние дни существования монархии, считает Д. Ливен, когда натиск на Николая II с требованиями изменения политического курса стал «чудовищным», тот игнорировал опасность революции, питал себя иллюзиями о народной поддержке. Идя на отдельные уступки оппозиции, Николай II внутренне им сопротивлялся⁵⁸. Но и в конце 1916 г., когда критика монархического режима многократно усилилась, он не хотел окончательно разрывать с либеральной общественностью⁵⁹.

Попыткой найти компромисс между правящим режимом и «цензовой» общественностью стало создание в 1915 г. ряда Особых совещаний, в состав которых наряду с бюрократами вошли представители Государственной думы и общественных организаций. П. Гэтрелл отмечает широту полномочий Особого совещания по обороне, которое было главной инстанцией, отвечавшей за распределение оборонных контрактов между предприятиями. Оно также имело право менять руководителей предприятий, подвергать предприятия секвестру (одной из наиболее известных мер был секвестр Путиловского завода, начатый весной 1915 г.), определять ставки зарплат. Совещанию напрямую подчи-

⁵⁵ Ibid. P. 74, 75, 130–131, 204–206.

⁵⁶ См., например: *Lincoln W.B.* Op. cit. P. 166–167, 169–170; *Figes O.* Op. cit. P. 269–270, 275, 278; *Wade R.* Op. cit. P. 21; *Badcock S.* Op. cit. P. 19–20, 23; *Gatrell P.* Russia's First World War... P. 99.

⁵⁷ *Badcock S.* Op. cit. P. 20.

⁵⁸ *Lieven D.* Nicholas II... P. 209, 228, 230.

⁵⁹ *Figes O.* Op. cit. P. 287–288.

нялись около 4 900 предприятий с почти 2 млн рабочих. Оно распоряжалось многомиллионными денежными суммами, инициировало строительство ряда новых оборонных заводов⁶⁰.

Кардинально иную оценку деятельности Особых совещаний дает У. Фуллер. По его мнению, особые совещания не столько координировали, сколько фрагментировали помощь фронту, став источником «анархии, дублирования функций, злоупотреблений и непроизводительных расходов». Главной задачей этих мало кому нужных учреждений было смягчение настроений образованной публики. «Если экономические успехи этого совещания (Особого совещания по обороне. – Н. М.) едва тянули на тройку, политическая его деятельность была просто никудышна», способствуя укреплению в обществе подозрительности, преследованиям по национальному признаку, безосновательному секвестру имущества и др.⁶¹

Значительное внимание англо-американские историки уделяют проблемам деятельности общественных организаций, работавших на оборону страны: Всероссийского земского союза (ВЗС), Всероссийского союза городов (ВСГ), Главного по снабжению армии комитета Всероссийских земского и городского союзов (Земгор), военно-промышленных комитетов (ВПК). М. Джордж, рассматривая деятельность ВЗС и ВСГ, основной линией их развития называет дрейф от «священного единения» с правительством ко «всё более открытой враждебности» ему. Эта эволюция была во многом обусловлена демократической природой Союзов: в них преобладали радикально настроенные «нецензовые» элементы. К концу 1916 г. ВЗС и ВСГ не отвергали даже участия в нелегальной деятельности⁶². Как важнейший инструмент развития гражданского общества рассматриваются ВЗС и Земгор в статье Т. Портера и У. Глисона⁶³. Схожа точка зрения Р. Уэйда, который характеризует их как наиболее влиятельные общественные организации периода войны⁶⁴. Земгор, пишет У. Фуллер, проявил себя в деле снабжения армии «превосходно», но эффективность ВПК «была несравнимо ниже, чем у Земгора – они часто не выполняли своих задач, участвовали в противоправительственной политической деятельности... Поставляемая ими продукция зачастую была дрянного качества»⁶⁵.

Основной темой уже цитировавшейся здесь по разным поводам монографии У. Фуллера стал феномен «шпиономании», охватившей в годы Первой мировой войны как правительственные и военные круги, так и самые разные слои общества. По мнению автора, общественность и многие влиятельные лица в командовании армией были склонны приписывать неудачи на фронте проискам «темных сил», за которыми якобы стояла разведка вражеских государств. Наиболее ярким проявлением этих настроений стали дела подполковника С.Н. Мясоедова, казнённого в 1915 г. по надуманному обвинению в государс-

⁶⁰ *Gatrell P.* Russia's First World War... P. 93–94.

⁶¹ Фуллер У. Указ. соч. С. 238–239.

⁶² *George M.* Liberal opposition in wartime Russia: A case study of the Town and Zemstvo unions, 1914–1917 // *Slavonic and East European review*. 1987. Vol. 65, № 3. P. 371, 373, 381–382, 386–387.

⁶³ *Porter T., Gleason W.* The democratization of the Zemstvo during the First World War // *Emerging democracy in late Imperial Russia: Case studies on local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the Tsarist government and the State Council before and during World War I* / Ed. by M.S. Conroy. Niwot, 1998. P. 228–232, 234, 239–240.

⁶⁴ *Wade R.* Op. cit. P. 19.

⁶⁵ Фуллер У. Указ. соч. С. 237–238.

твенной измене, и военного министра В.А. Сухомлинова. Дело Мясоедова и связанная с ним шпионская истерия проливает свет на то обстоятельство, что русская политика последних лет существования империи была «безгранично жестокой и абсолютно беспринципной борьбой за власть». Поведение отдельных политиков способствовало созданию «удушливой атмосферы ненависти и параноидальной подозрительности», в жертву которой порой приносились жизни невинных людей. В делах Мясоедова и Сухомлинова высветились также будущие судебные практики сталинизма (хотя и в иных масштабах), исходившие из «презумпции виновности» подозреваемых⁶⁶. Обвинение Мясоедова было выгодно тем, кто нёс реальную ответственность за военные поражения: главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу, командующему Северо-Западным фронтом В.Н. Рузскому и их ближайшему окружению. Именно вел. кн. Николай Николаевич приказал изъять дело Мясоедова из обычного судопроизводства и передать военно-полевому суду, который «был старательно подготовлен и разыгран как по нотам». То, что дело расследовалось в спешке, казнь была организована с необычайной быстротой, наводит историка на мысль о том, что реальных доказательств измены Мясоедова не существовало в природе.

Катализаторами шпиономании были также укоренившиеся в обществе антисемитизм и германофобия. Ангажированность следствия по делу В.А. Сухомлинова имела отпечаток откровенной мести образованного общества бывшему военному министру⁶⁷. В условиях тотальной подозрительности круг подозреваемых непрерывно расширялся. Эта нездоровая атмосфера лишь дестабилизировала существующий режим. В определённой степени, заключает Фуллер, вся Россия стала «жертвой шпионской истерии»⁶⁸.

О. Файджес также считает, что либеральная общественность в борьбе за власть ловко разыгрывала «шпионскую» карту. В период сильнейшего натиска на власть (конец 1916 г.) «истерическая публика была склонна видеть немецкий саботаж во всём, от недостатка снарядов до коррупции среди низших чиновников». Поэтому «провозглашая боевой клич “измена в верхах”, новые претенденты на власть становились популярными национальными героями»⁶⁹.

Первая мировая война стоила России огромных потерь. Через «жернова войны», по подсчетам П. Гэттрелла, в России до Октябрьской революции прошло около 15 млн человек. Из них около 2 млн погибло, около 5 млн попало в плен⁷⁰, около 5.5 млн человек были ранены (из них около 2 млн – тяжело)⁷¹. Война разбалансировала российскую экономику и общественную жизнь, стоила государству неимоверных расходов: если, к примеру, Русско-японская война «поглотила» около 2.3 млрд руб., то Первая мировая – более 38 млрд. Но была ли война непосредственной причиной революции в России? С одной стороны, ухудшение экономической и общественно-политической обстановки, снижение дисциплины в армии, рост недовольства масс, безусловно, приближали революционный взрыв⁷². П. Холквист называет главной (хотя и не единственной)

⁶⁶ Там же. С. 12–13, 15–17.

⁶⁷ Там же. С. 194, 196, 205, 209, 230–231.

⁶⁸ Там же. С. 192–193, 218, 310.

⁶⁹ *Figes O.* Op. cit. P. 285.

⁷⁰ *Gatrell P.* Russia's First World War... P. 1, 246.

⁷¹ *The Cambridge history of Russia.* Vol. II. P. 663.

⁷² См.: *Figes O.* Op. cit. P. 263–264; *Wade R.* Op. cit. P. 17–18, 25–27; *The Cambridge history of Russia.* Vol. II, P. 662.

причиной Февральской революции неспособность правительства справиться с продовольственным кризисом⁷³. С мнением о «человеческом факторе» как главной причине революции во многом согласен П. Гэтрелл⁷⁴. Д. Ливен считает «самым весомым фактором крушения царского режима» международное положение России, вынудившее её участвовать в войне. Непосредственным же толчком к революционным событиям стало неустройство на «внутреннем фронте»⁷⁵.

В целом, в англо-американской исторической науке последних десятилетий проделана огромная работа по изучению истории России в годы Первой мировой войны. Наполняются новым фактическим содержанием такие аспекты темы, как готовность страны к военным действиям, её международное положение накануне и во время войны, боевые операции на Восточном фронте, социально-экономическое положение и внутренняя политика последних лет Российской империи, «цена» участия России в войне. Одновременно война предстает такими до сих пор мало изученными своими сторонами, как межнациональные отношения, моральное состояние русского общества, политика по отношению к «вражеским подданным», беженцам и жертвам боевых действий.

⁷³ Holquist P. Making war, forging revolution... P. 36, 45.

⁷⁴ Gatrell P. Russia's First World War. P. 170–171.

⁷⁵ Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 450–451.